

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Тайга РИ

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ РОДА БЛАУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Тайга Ри

Последняя из рода Блау

Серия «Грозовая охота», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42633751

Последняя из рода Блау: Фантастический роман / Рис. на переплете

В. Успенской: Альфа-книга; Москва; 2020

ISBN 978-5-9922-3111-3

Аннотация

Она очнулась, ожидая продолжения пыток, не понимая, почему в этой войне выжила она, самая бесполезная из всего рода Блау. Очнулась оттого, что услышала родной голос. Говорил ее дядя, который пять зим назад погиб в застенках. Очнулась, уверенная, что все, что ее окружает, – иллюзия, наведенная ее врагами. Но это не иллюзия. Вайю Блау, Темный мастер-целитель, проводшая на войне несколько лет, очнулась в своем родовом поместье. Ей снова четырнадцать. Она находилась некоторое время в пещере, где яд от укусов ядовитых тварей проник ей в кровь и затронул внутренний энергетический каркас. Ее сущность приобрела качества Светлых и Темных. Но война на самом деле никуда не ушла. Она продолжается в другой ипостаси. Юную девушку ждут впереди нелегкие сражения, опасные заговоры и попытки разобраться, кто же она на самом деле.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	58
Глава 8	64
Глава 9	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Тайга Ри

Последняя из рода Блау

Глава 1

Перерождение

– Почему она до сих пор не очнулась? – Раздраженный голос дяди сопровождал монотонный свист хлыста. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Я почти видела, как хлыст нервно скользит по его любимым гильдейским сапогам из тончайшей кожи. Нервничает. Обычно дядя считает недопустимым такое откровенно плебейское выражение эмоций.

Глаза резало нещадно. Почему глаза? Ведь на прошлом допросе мне ломали пальцы. Когда это было – вчера? Декаду назад? Что же такое ядреное мне вкололи, что у меня такие объемные слуховые иллюзии. Забористая дрянь, наверняка эти постарались, из новых Серых.

За окном весело щебетали птицы. Лежать было удобно, мягко и тепло, почти как на кровати в нашем родовом поместье в долине. Я почти по-настоящему чувствовала запах вереска с пустошей, который тихонько просачивался в приоткрытое окно.

Как же хорошо. Как же хорошо, Великий!

Сейчас по сценарию должна войти Нэнс и отдернуть шторы. Как сладко... Много зим мне не снилось поместье. Мне вообще после той резни на окончание десятого курса академии ничего, кроме кошмаров, не снилось. Только кровь, грязь, голова Акселя в петле и истлевшие кости скелета в подземелье с родовым перстнем Блау.

А тут какой-никакой дом. Какая качественная иллюзия!

– Виртас-с-с, – дядя почти шипел, – кто из нас двоих целитель?

Да что же такое происходит?

– Кастус, повреждения слишком сильные. Большую кровопотерю мы восполнили, но с ядом скорпиксов так сразу сделать ничего нельзя. Юная госпожа слишком долго пробыла в пещере. Зрение восстановится, но не меньше недели будет необходимо носить целительные печати. – Голос целителя был тих и убедителен. – Концентрация яда предельная, антидот я ввел, но...

– Юная госпожа, – дядя сделал особенно ядовитое ударение в стиле Блау на второе слово, – через две луны должна встречать родственный клан Хэсау. И никто, Виртас, никто заменить Вайю не сможет.

Я хохотнула про себя. На редкость забористая иллюзия.

Виртас умер в шестнадцатом, по дороге в Керн, в самом начале мятежей. Мой предусмотрительный и умный дядя, который так гордится своим гильдейством, прожил немногим дольше. Умер через пять зим в застенках Левинсбрау, но

мы узнали об этом только через несколько лет, когда случайно опознали останки по родовому перстню. Сдох и не сдал Блау. Уже этим одним я гордилась: этот высокомерный хрыч, с которым мы так и не нашли общий язык, – мой дядя.

Родные стены, родные старые хрычи. Я бы прослезилась от избытка чувств, но нас не поили почти декаду, и выдавить даже одну слезинку просто небывалый подвиг.

Лучше иллюзия, лучше так, чем пялиться на то, что осталось в соседней камере от сира Фейу. Пытки, кровь, грязь. Человеческое существо в эгоизме своем считает, что никогда не сможет привыкнуть к такому, но это все чушь. Все привыкают. Всегда привыкают. Последний оплот проигранной победы. Армия Фейу и Тиров, высокомерные идиоты, положившие на алтарь своего величия последние четыре дивизии.

Четыре, мать их, дивизии. А все почему? Потому что идиоты.

Мы – идиоты. Последние идиоты войны, проигранной задолго до ее начала. Заложники и пешки. Старое, никчемное, уставшее воевать мясо.

Запах вереска стал сильнее. Я зажмурилась в попытке удержать иллюзию. Что мне вкололи? Или подмешали вчера в еду? Нет, нас давно не кормили. Действительно, зачем кормить сброд перед казнью. Мы все сдохнем через несколько дней, и никакой показательной порки, никаких знамен и сожженных штандартов, никакой вони. Бескровная победа.

Кажется, это главный девиз нового, мать его, величества, да сдохни он в веках и неназываем в роду будет.

– Виртас, делай что хочешь и как хочешь, но послезавтра юная сира Блау должна приветствовать гостей рода, и если этого не будет... – холодно протянул дядя. Скрип сапог, щелчок хлыста и звук хлопнувшей двери ознаменовали уход моего дражайшего родственника.

Юная сира Блау. Точнее, последняя из всех Блау. Последняя выжившая. Самая бесполезная. Я до сих пор не понимаю, почему в этой войне выжила я, а не Данд, не брат, не дядя, в конце концов. Почему я? Самая бесполезная из всего рода Блау. Глаза защипало, и соленые слезы своевольно покатались дорожками, щекоча шею.

– Мисси... – Осторожный голос Нэнс послышался справа.

– Нэнс, госпожа под исцеляющим, она тебя не слышит. – Виртас вздохнул устало и забормотал: – Делай что хочешь, делай что хочешь, чтобы Вайю очнулась и была здорова до завтра, но это решительно невозможно. Я же не святой Асклепий, чтобы исцелять наложением длани.

– Мисси! Мастер Вирт, мисси плачет! Ей больно! – Нэнс взволнованно заламывала руки.

– Что... отойди... Нэнс... быстро! – Легкий ветер, щекочащее тепло диагностирующих чар, малая успокоительная печать в центр солнечного сплетения, легкий ободок холода и вкус мяты на языке. – Наставник скастовал малое обезболивающее. Вирт все-таки мастер плести чары с такой скоро-

стью! До сих пор не понимаю, как в свое время в нашу глушь удалось заманить целого Светлого мастера-целителя. А сейчас уже и не спросишь. Не у кого.

– Вайю...

– Мисси...

– Вайю, девочка моя, Вайю, ну давай же, давай! – Вирт последовательно накладывал печати и цепочки чар, и на большом реанимационном круге я взвыла.

– Вирт, что вы творите... – Голос ломался, сложно говорить, когда твое тело безостановочно прошивают молниями, иллюзия иллюзией, но я же чувствую! – Реанимационный – это слишком!

– О, неужели госпожа добралась до трактата мастера Озерски по реанимации малых и больших организмов? – Голос Вирта сочился счастьем и довольством.

– Мисси, вы очнулись, мисси... – Нэнс ворковала вокруг, внося еще больше суеты, она потянулась поправить подушку и задела плечо. То самое плечо, которое мне успешно вывихнули позавчера, когда ломали тонкие пальцы Блау. Чтобы лечить не могла.

Тело отреагировало на одних вбитых рефлексах раньше, чем я успела что-то сообразить. Захват, подсечка – и упитанная Нэнс с оглушительным звуком впечаталась в заботливо закрытую дражайшим дядей дверь.

– В-вайю! – Голос наставника немного подрагивал. Хорошая иллюзия. Качественная. Даже эмоциями озаботились,

седьмой уровень, не меньше, почти полная достоверность.

– Мисси...

– Тише, тише, Вайю, девочка... – Вирт медленно отходил назад от кровати, подняв руки ладонями ко мне, чтобы показать: никаких плетений, смотри, все хорошо.

Я попыталась сесть ровно, но тело не слушалось.

– Давайте к делу. Иллюзия удалась – просто блеск. Можно сразу сдавать на мастера. Кто работал? Шах? Или новая разработка Серых? Я просто в восхищении. Примите благодарность рода Блау. Шах! Где ты, сын скорпикса и псаки, безродная тварь, продавшая свой клан за миску супа! Гаси контур и переходи к делу! – В конце мой голос сорвался, не удержалась. Слишком больно было почувствовать дом, Нэнс и Вирта. Шах действительно мастер-р-р, чтоб его псаки за Гранью сожрали. Тварь. Как есть тварь.

– Вайю, ты думаешь, это иллюзия, ты думаешь, контур замкнут? – Виртовы интонации напомнили мне спецкурс академии, который мы проходили в одной из психушек. Хорошее было время. Спокойные, мирные психи. Там мастер Лексия такими же интонационными модуляциями особо буйных укладывала. – Вайю, это яд скорпиксов, ты две луны провела в пещере у старых шахт, яд проник в кровь и затронул внутренний энергетический каркас. Вайю!

– Да, да, да... Шах, ты отлично подготовился, вот просто отлично. Много времени потратил, чтобы раздобыть старые карты? Кого считал? Не многие помнят этот случай, просто

стопроцентная достоверность.

– Мисси, ну что же это, Великий, делается! – Нэнс подвывала, сидя на полу, и наверняка слезы фартуком вытирала. У нее всегда после плача нос краснел так, что даже через ее смуглую кожу настоящей аларийки несколько лун просвечивал румянец.

Нэнс, моя старая добрая Нэнс, я до сих пор по тебе скучаю.

– Вайю, я задал вопрос.

– Да, Шах, это иллюзия. И она мне уже порядком надоела.

– Вайю, посмотри на меня. – Вирт аккуратно шагнул ближе на шаг. – Ты помнишь, кто я? Мастер Виртас. Я твой наставник. Нет никакого Шаха. Ты в поместье Блау, тебя нашли в пещере возле старых шахт, где ты провела две луны в гнезде скорпиксов, тебе очень повезло, что сейчас у них линька. Яд скорпиксов вызывает множественные наведенные иллюзии, Вайю! Девочка, мы это проходили на прошлой декаде. Вайю!

– Я знаю, что яд скорпиксов вызывает иллюзии и что водятся скорпиксы только у нас, в Лирнейских горах. Только вот сейчас весна и линьки у них нет. Гаси контур, тварь! – Я уже практически рычала. Темная мерзкая тварь!

– Вайю, послушай меня, просто послушай меня. Вайю! Сейчас осень. – Виртас посмотрел на Нэнс, и она торопливо закивала, быстро отдернув шторы. Запах скошенной травы, вереска, цветов влетел в комнату с порывами теплого шалов-

ливого ветра. – Скоро праздник урожая. Родичи вашей матери, которых вы должны встретить послезавтра, прибывают именно на праздник урожая. Вайю, что отличает иллюзии от реальности? Как звучит второе условие Коха? Второе условие Коха, Вайю, мы это тоже проходили!

– Контур иллюзии можно увидеть изнутри при условии воздействия направленным светом. – Я хохотнула, мне только проверки второго условия Коха сейчас и не хватало. – А давайте! Давайте проверим!

Чистый свет в бывшей гильдейской тюрьме, экранированной от любого воздействия, в исполнении Темного целителя, последней бесполезной сиры Блау. Это будет что-то!

Я щелкнула зубами, выплетая непослушными пальцами чары. Руки немного дрожали. Шутка ли, почти десять лет я не плела Светлых чар, просто не могла. Да и правильнее было бы сказать Темный мастер-целитель Блау, но кто же в условиях полевых госпиталей будет собирать комиссию, чтобы присвоить мастерство, да и к тому моменту, как я достигла девятого круга, было уже некого собирать. Почти никого из наставников академии не осталось в живых. Выжили только предатели. Точно! Комиссию из предателей!

Чары проверки вспыхнули ровным ласковым золотым светом. Сбоку сверкнул серебром купол энергетической защиты. Виртас? Это он выставил щит? От меня? Периметр комнаты засиял бледно-голубыми силовыми линиями.

Великий – это невозможно!

Я лихорадочно щелкала кольцами и чаровала еще раз. И еще. И еще... Это просто невозможно! Свет послушно вспыхивал и гас, повинаясь движениям пальцев. Я – Темный целитель в девятом круге, я не могу так работать со светом. Это невозможно. Абсолютно невозможно.

Чары личной диагностики. Экранирование. Второй. Второй круг света. У меня второй круг. Света.

Великий, что происходит, где мой девятый круг?

– Вайю, теперь ты убедилась? Контура нет, значит, это не иллюзия. Это просто действие яда скорпиксов. – Виртас с явным облегчением схлопнул защитный купол. – Еще несколько дней у тебя могут быть легкие видения... И перестань чаровать диагностику! Сейчас лишняя нагрузка на твой энергетический контур вредна. Вайю! Я проверил – все в порядке, яд не повредил энергетике и твоему второму кругу. – Вирт тараторил и проглатывал слова. Он всегда говорил очень быстро, когда волновался.

– Я... у меня... второй круг! – Я начала смеяться. Я смеялась и плакала от смеха. Меня накрыла форменная истерика. У Темного целителя Блау второй круг света. Скажи кому – засмеют. Второй, мать его, круг света. Я хохотала и просто не могла остановиться.

– Второй, второй, все в порядке с твоим вторым кругом, все в порядке. – Вирт подкрался неслышно и наложил на меня печать молчания и спокойствия. – Вот так, наша девочка, вот так, все в порядке с твоим вторым кругом, все в порядке.

Нэнс, госпожа пришла в себя, можешь обрадовать сира Блау. Вайю спокойно проспит до утра, не беспокоить. Скажешь, мое распоряжение, иначе завтра я не ручаюсь за результат. Так и передай, чтобы эти вертихвостки...

– Да, мастер, конечно, мастер... А маленькая мисси завтра будет в порядке? – Нэнс торопливо приседала, рассыпаясь в благодарностях.

– В полном, Нэнс. Теперь уже точно все в полном порядке.

Нэнс упорхнула. Вирт подстраховался и, помимо спокойствия и молчания, еще наложил полный стазис. Старый хрыч. Наставник. Слезы опять сами покатались из уголков глаз – солоно и щекотно и даже не вытереть никак. Это не я... Я совсем не плачу.

Я не плачу!

Второй круг, Великий, второй круг! Мне было четырнадцать или пятнадцать, когда уровень внутренней энергии был равен второму кругу. Скорее, четырнадцать зим, потому что в пещеру скорпиксов меня отправили «любимые» кузины, которые приехали в поместье дяди летом, пока реставрировали их менор. Мои «любимые» щедрые сестрички, которые испоганили мне все первые годы в академии.

Четырнадцать зим, Великий! Мне снова четырнадцать! Я вернулась на восемнадцать зим назад? Как это возможно?

Значит, Данд еще не приехал от Хэсау, его не приняли в род, жив дядя, Аксель... И я не последняя из рода Блау! Живы Нэнс, Вирт, живы Кис-Кис и Фей. Великий, если это

сон, то я прошу тебя, не дай мне проснуться.

За окном щебетали птицы, розовая полоска неба снизу светилась багрянцем – скоро закат. С заднего двора доносились короткие отрывистые команды – у охраны перекличка на постах.

Я не могла пошевелиться, только дышать – глубоко, полной грудью впитывая терпкие запахи нашей короткой северной осени – и плакать... Слезы текли по щекам бесконечными теплыми дорожками.

Юная сира Блау вернулась.

Глава 2

Разговор с дядей

За окном щебетали птицы. Одурающе пахло вереском и скошенным сеном с нижних полей. Я уминала свежую кашу, принесенную Нэнс с кухни. Жидкая каша на воде. Кто бы сказал, но ничего слаще и вкуснее в своей жизни я не ела. Я торопилась, давилась, облизывала ложку, вычищая тарелку до дна. Никаких манер – плебейство, как сказал бы дядя. Я бы посмотрела, если бы его две декады морили голодом в гильдейской тюрьме.

Я дома, но совершенно не чувствовала себя в безопасности, постоянно казалось, что сейчас иллюзия дрогнет, истают стены и я снова окажусь на вонючей соломе шестой камеры. Хотелось попросить Нэнс запасти еды и воды – и побольше, побольше, чтобы хватило на пару-тройку декад.

Я чувствовала себя беззащитной и голой. Ни щит поставить, ни сигналку на дверь навесить. Какой толк? Силы – пшик. Со вторым кругом мне только цветочки в оранжерее зачаровывать. Да и толку от моих навыков! Нетренированные пальцы не слушаются, условно Светлые чары сбоят, а от Темных вообще никакого толку. Спешите увидеть: гвоздь сезона, Светлая леди Вайю второго круга выплетает Темные чары девятого уровня, и у нее ничего не выходит! Как вы

думаете, почему?

С этим нужно что-то делать. Безусловно, я не перепрыгну через голову, но какую-то защиту поставить нужно. Активация Темного источника? Это подождет, нужно сначала полностью вывести яд скорпиксов и восполнить пробелы внутренней энергетической структуры. Наставник, конечно, разукрасит лицо траурным пеплом, когда поймет, что его истинно Светлая ученица решила обратиться к Темной половине своей крови. Но это мамино наследие. И будем откровенны, если бы не Темная половина крови Хэсау и спонтанная активация, тогда меня сожрали бы сразу. На войне мои Светлые чары абсолютно бесполезны. Светлы, милы и абсолютно бесполезны. Великий, благослови Темное наследие!

Остаются родовые дары Блау. Данду после принятия в род досталась возможность напрямую взаимодействовать с животными и управлять ими, брат способен использовать Глас, а у меня двусторонняя эмпатия в крайне урезанном варианте. Неплохо. Можно все валить на нестабильность источника, которая всегда возникает при принятии родового дара, по крайней мере, шарахнуть шагов с десяти полным спектром эмоций будет можно при случае. Чем не эмпатический щит?

Дядю я подловила в малой сиреневой гостинной за непрерывной чашечкой утреннего кофе и чтением свежего номера «Имперского вестника».

– Дядя... – Обязательный по этикету поклон Старшему – голову склонить, спину выпрямить, сама почтительность во

плоти.

– Вайю! – Дядя щелкнул пальцами, отсылая прислугу, и отложил газету. Короткий жест в сторону свободного кресла, диагностические чары на меня, купол тишины на комнату – разговор намечается серьезный. Будет песочить.

Я глубоко вздохнула и ринулась в бой.

– Дядя, я знаю, что ты сейчас скажешь, но я бы хотела объяснить все у источника, чтобы не повторяться дважды. После пещер... Я много думала, я хочу поговорить с предками. Попросить прощения, совета и поблагодарить за то, что Блау всегда хранят Блау.

Тишина была оглушительной. Дядя смотрел серьезно и молчал. Тусклые глаза, вертикальные морщины на лбу, сероватый оттенок кожи. Устал. Эти две луны и ему тоже дались нелегко. Темные волосы с щедрой белой проседью стянуты в строгую мужскую косу.

Никаких украшений, только кольцо – родовая печать и неизменный хлыст рядом, с оплеткой, инкрустированной камнями. А ведь дядя не так уж и стар. Это в мои четырнадцать он должен был казаться умудренным опытом стариком, а на самом деле мне уже за тридцать, и я могу понять, какую непосильную ношу он на себя взвалил, чтобы вырастить юных Блау и дожидаться, когда он сможет передать род брату.

– Блау всегда хранят Блау. Я удивлен. – Дядя свободно откинулся назад в кресле и усмехнулся. – Позавчера в южные

шахты уезжала взбалмошная девчонка, а вернулась юная, умудренная жизнью сира? – Дядя говорил серьезно, но его выдали смешинки в глазах.

– Дядя, поговорим у алтаря, прошу тебя. Мне есть что рассказать. – Мне нужен источник для активации дара, и потом, у алтаря не врут. Все, что я скажу, будет подтверждено родом, и это позволит избежать всех вопросов.

– Настоящая причина, Вайю. И ты, и я знаем, как на самом деле ты относишься к предкам рода.

Относилась. Это будет правильнее. Пока не осталась совершенно одна с этим бесполезным Светлым источником. Пока ты, дядя, не сдох в Левинсбрау, хотя обещал хранить и беречь. Пока брата и Данда не подставили, а Нэнс не отравили. Я осталась совершенно одна, дядя. Последняя из Блау. Только я и предки, поэтому не тебе рассказывать мне о силе рода.

– Я хочу вылечиться. Восстанавливающие печати наставника очень жгутся. И я не смогу нормально танцевать. Скоро осенний бал в Керне, и Марша на следующей декаде должна прислать приглашения на малый прием. Там же будет сир Квинт, дядя, – вспомнила я свой извечный аргумент в этом возрасте. И если я правильно помню, именно на празднике урожая моя дорогая закадычная подруга Марша хорошо повеселилась за счет глупой Блау. И я никак не могу это пропустить снова. – И мои ханьфу уже устарели... Мне нужно в Керн, иначе что о нас будут говорить? Что сира Блау пришла

дважды в одном и том же туалете. Это решительно недопустимо!

Дядя молчал; мои доводы его не убедили.

– Я чувствую себя раздетой. Голой, незащищенной. Я не чувствую себя в безопасности даже здесь и сейчас. – Я повысила ставки, и дядя нахмурился. Еще бы, это одно из самых тяжелых оскорблений для мужчины – неспособность защитить своих женщин. – Я боюсь, что это иллюзия, – я обвела рукой комнату, – что это просто яд скорпиксов и ничего этого нет на самом деле. – Нет моих платьев, нет Акселя, нет Нэнс, и меня не пригласили на малый прием у Фейу... – Ну давай же, давай, торгуйся, ты же этого хотел. Мне нужен алтарь не только для того, чтобы почувствовать связь с родом. Я хочу открыть свой родовой дар. Я не знала, какой дар у дяди, и никто не знал. Но по обрывкам воспоминаний это было больше всего похоже на индикатор эмпатии. Для Блау и о Блау. Он всегда видел насквозь все выходки, знал, когда врет Данд и куда ускакали мы с Кис-Кисом.

Я кинула быстрый взгляд на дядины холеные пальцы, униженные перстнями, – артефакта правды вроде нет, но безопаснее не врать. И верить в то, что говоришь.

– Вайю, ты очень хочешь на осенний бал в Керне? Хочешь встретиться с твоими подружками и с сиром Квинтом?

Я кивнула и изобразила сумасшедший оскал безответно влюбленной юной сире.

Дядю едва заметно перекосило. Хорошо держит лицо.

Я долго тренировалась до завтрака, пока зеркало не отразило полный спектр эмоций. Лихо, придурковато и восторженно. Именно так должен улыбаться глупый «Светлый мусор» семьи Блау, когда говорят о балах и... Квинте.

– Нет, Вайю. Ты наказана за то, что так безответственно, никого не поставив в известность, отправилась в южные шахты. Тебе повезло, но это не твоя заслуга. Урок должен быть усвоен. Четыре декады с восстанавливающими печатями... – Дядя лукавил. Четыре – это если наставнику придет в голову специально затянуть лечение. Яд скорпиксов выводится пару декад. – Вот если бы твой дар был активен, ты бы выбралась из пещер быстрее. Вдруг у тебя, как у брата, есть возможность использовать Глас, тогда ты бы договорилась со стаей скорпиксов. – Дядя играл грязно.

Неужели я правда производила впечатление полной идиотки?

– Дядя, я умоляю тебя! Я не могу пропустить малый прием! – Губы задрожали, но это все, на что я была способна, – выдавить слезы у меня никогда не получалось по заказу. – Я готова на все! – Я добавила в голос отчаяния и безнадежности. – Я готова выполнять все, что говорит наставник, я не буду пропускать тренировки у мастера Ликаса... Дядя, я даже готова участвовать в осеннем школьном турнире, как ты хотел, только разреши мне...

Осенний турнир школы был своего рода визитной карточкой участников из Керна, негласным допуском для своих при

поступлении в академию, возможность получить белую мантию грезилась многим. Скорее культурное, чем интеллектуальное мероприятие, но стать победителем турнира считалось очень престижным. Каждое юное провинциальное дарование обязательно загодя готовилось к этому эпохальному событию.

Дядя выстукивал костяшками пальцев по подлокотнику каватину Ариетты из «Королевской невесты», значит, доволен. Когда все плохо, дядя наигрывает военный имперский марш.

– Вайю, я не могу полностью отменить наказание, но ты сможешь посетить алтарный зал, если дашь мне слово. Первое – в течение четырех декад тебе запрещено пропускать утренние тренировки, ты будешь выполнять все распоряжения и уроки мастера-наставника Виртаса. Второе – ты участвуешь в осеннем турнире. И третье... Ты сможешь посетить алтарный зал, если примешь родовой дар. Новые платья, твои подружки и сир Квинт подождут, если родовой дар будет активным. – Дядя говорил о давно известном.

К активным дарам относились все условно боевые разновидности даров. Из-за их нестабильности после активации могло пройти и лето, и два, пока дар не становился стабильным и можно было смело посещать официальные мероприятия. Для той, юной Вайю, это было смерти подобно. Пропустить все ради чего? Ради какого-то неизвестного активного родового дара, который непонятно как можно исполь-

зовать. Но, увы, в этом поколении меня и в этом обошли. У меня была условно пассивная направленная эмпатия. Ничего нестабильного. Никаких стихий или элементарей. А сир Квинт Валериан Дарин...

– Дядя, я согласна! Слово Блау, дядя, слово Блау! А сир Квинт... Если дар будет активным, это хорошая проверка, прямо как в романе мадам Ру! – Голос показательно дрогнул. Я лукавила. Если бы могла, я бы этого сира удавила прямо сейчас, направленным наведенным проклятием. Или еще лучше, подправила бы ему энергетический контур так, чтобы он сам сдох в муках, сын псаки. Он должен мучиться долго-долго из-за того, что Квинты сделали с братом. Я хочу лично видеть, как эта тварь уйдет за Грань.

– Очень хорошо, Вайю. Слово дано, и слово принято. Но ты должна здесь и сейчас понять, что потом возможности передумать не будет. Родовые дары не возвращают, и если он будет активным... – Дядя был доволен. Пытался скрыть, но я видела это скрытое удовлетворение на его лице. Еще бы, они с Акселем целых две зимы уговаривали меня принять наследие.

Великий, какой же я тогда была идиоткой!

Глава 3

Источник Блау

Я шагала вниз по узкой каменной лестнице вслед за дядей. Широкий разворот плеч подчеркнут светлым дорогим сукном рубашки, он часто пренебрегает правилами – дядя крайне редко носит положенные по статусу халаты-ханьфу, предпочитая военную форму.

Надо признать, что Старший у нас еще очень интересный мужчина. В самом расцвете сил, представительный, из тех староимперских аристократов, коих можно пересчитать по пальцам. Не так много этих старых родов осталось, тех, которые помнят Исход. Может, познакомить его с кем-нибудь? После смерти тети Софи дядя демонстративно закрылся в поместье и уже много лет носит маску эксцентричного затворника, которого не интересует политика – только клановые вопросы, но мы-то знаем.

У клана несколько домов – в Хадже, и в столице Империи, и на юге, но родовое поместье только одно – здесь, в долине. Занюханная провинциальная глубинка, как презрительно называл мой дом сир Квинт. Провинциальная – возможно, занюханная – вряд ли. Действительно, после нас только владения Хэсау за восточным хребтом, узкая полоска граничной суши и Мирия. Раньше род Блау называли «из пород-

нившихся», а как иначе? Удерживать темных тварей по всей длине хребта Лирнейских гор и умудриться не просто выживать, а жить совсем неплохо. Это ли не договор с Гранью?

В народе ходили байки, что Блау пройдут пешком по гнилым болотам, и ни яд скорпиксов, ни клыки псак не возьмут истинных представителей рода. Крайне сомнительное утверждение, но ничем, кроме как сумасшедшей удачей и покровительством Великого, не объяснишь, почему выжила Светлая девчонка со вторым кругом, проведя в пещерах скорпиксов две луны.

Конечно, сейчас состояние клана шаткое – нас пока всего трое, живых денег нет, людей не хватает, но есть деньги мертвые. Старое золото, то, что не купишь ни за какие деньги. Гримуары, артефакты, яд и шкуры скорпиксов. Мое приданое было таким, что даже Квинты польстились, несмотря на наличие «Светлого мусора второго круга», который к этому приданому прилагался. Раньше я думала, что Дарин любит и поэтому не побоялся разбавить кровь детей, ведь семья это дети, правда? Но семьи не предполагалось.

Отсыревшие каменные ступеньки скользили, чадили простые факелы – никакого магического огня так близко к источнику, никаких лишних магических возмущений.

Здесь, глубоко под землей, в самом центре поместья, на пересечении силовых меридианов, билось сердце рода Блау, его алтарь и источник.

Говорят, род жив, пока жив источник, но я авторитетно

заявляю, что это неправда. Род жил, пока билось сердце последней из Блау. И источник, и алтарь к тому моменту были полностью разрушены, единственное наследство, которое я тогда получила, – это три мертвых родовых перстня и остатки дядиной Темной библиотеки. Три родовых печати. По одному на каждого. Дядя. Брат. Данд.

Внизу ничего не изменилось. Последний раз я спускалась в алтарный зал в шестнадцать лет, правильнее будет сказать, когда брат притащил меня к источнику, практически спустив кубарем по ступенькам, так он был зол. Дядя не вмешивался. Это была первая и последняя попытка пробудить во мне силу крови. Я не хотела, я сопротивлялась, молчал источник, молчали предки, и только алтарь откликнулся легким родным свечением. Если бы не это, боюсь, у семьи возникли бы серьезные сомнения, а не подменил ли кто дочь рода на это странное капризное существо.

Существо. Это существо. Именно так говорил обо мне Квинт Дарин. Это существо. Не невеста. Не дочь рода Блау. Это существо. Не думать об этом. Не сейчас. Квинты свое получают. Блау всегда возвращают свои долги.

Дядя остановился на границе входа в алтарный зал, надрезал кончик пальца и кровью начертил руны доступа мне на лбу и запястьях. Все верно. Пробужденный может войти всегда, спящие члены рода – только по приглашению, именно поэтому мне так нужен был дядя.

Теплым ветром по щекам пробежала родная энергия, ис-

точник узнал меня и приветствовал. Дядя дернулся, но не успел, я уже шагнула в зал, и источник запечатал комнату. Прости, дядя, но сначала нам нужно пообщаться отдельно.

Толстая каменная плита в центре круглого зала излучала неяркий свет и легкую вибрацию. Я положила пальцы на алтарь и закрыла глаза, впитывая энергию. В голове шумело, тысячи лиц вереницей проходили перед моими глазами, тысячи касаний рук, тысячи слов, предки приветствуют дочь Блау. Я столько зим была этого лишена. Я столько зим была одна, без поддержки рода. Я так устала. Я смертельно устала.

Глубоко внутри, там, где всегда была пустота, которую никто не мог заполнить, где прогрызли дыру чувство вины и воспоминания, начал зарождаться свет.

Любовь рода исцеляет, любовь рода дарует, любовь рода лечит.

Блау всегда хранят Блау.

Духи предков врачевали мою душу, а я плакала и не могла остановиться. Слезы катились из закрытых глаз, это не я — это просто переходный возраст.

Я показывала им смерть Данда, казнь брата, показывала разрушенное поместье и покореженные остатки алтаря, показывала истлевшие кости с родовой дядиной печатью на пальцах скелета, показывала полевые госпитали и Прорывы Грани, показывала предательство и смуту, показывала конец рода Блау.

Я не знаю, кто меня вернул и зачем, но мне нужна сила

рода, чтобы справиться, мне нужна поддержка предков, чтобы сохранить семью, мне нужна ваша сила.

Я выдохлась.

Источник негромко вибрировал. Предки взвешивали чистоту моих намерений и силу духа, я показала все как есть, теперь решение за ними. Как сохранить род, решать им.

Я почувствовала, как защита алтарного круга погасла. Значит, предки приняли решение и приглашают Старшего засвидетельствовать волю рода.

Дядя шагнул в круг. Я давно не видела его таким растрепанным. В волосах запутались паутина и мусор, белоснежная с утра рубашка стала серой, начищенные сапоги запылились. Пытался взломать круг и защиту?

Дядя остановился за моим левым плечом. Я сразу почувствовала себя спокойнее и увереннее. Что бы ни решили предки, если спину Блау прикрывает другой Блау, мы можем практически все, жаль, что я так поздно это поняла.

Энергия светлячками закружилась по залу, и на потолке проявился родовой гобелен. Весь. Родовой гобелен. Дядя вздрогнул. Все Блау, живые и почившие, бывшие и будущие, все связи и долги рода. На левой руке серебристой искрой расцвела личная родовая печать, мой перстень, знак пробуждения моей крови.

Право иметь голос в роду. Право решать за себя. Право говорить от лица рода.

На потолке гобелена засияла новая звездочка – крошеч-

ная точка в мириаде переплетений родовых линий – Вайю Юстиния Блау. Вайю, дочь Юстиния из рода Блау. Рядом светилась ровным светом более яркая звезда – брат, Аксель Септимус Блау. Седьмой Аксель в роду Блау.

Я всегда считала это крайне несправедливым. Девочки только дочери кого-то и часть рода, а мужчины сами по себе, как будто у них совершенно другие отцы. Когда я жаловалась на эту огромную несправедливость, Аксель смеялся и шуточно щелкал меня по носу. Брат говорил, что Вайю Юстиния звучит гораздо лучше, чем Вайю Секундус. Я – вторая Вайю в роду Блау.

А первую леди Вайю я лицезрела сейчас прямо перед собой. Тонким серебристым маревом над гранитной плитой алтаря соткалась полупрозрачная фигура Светлой леди. Именно в честь этой первой Светлой Блау меня и назвал отец.

Одежда по моде четырехсотлетней давности, корона из кос и ледяное выражение лица, точно как на том портрете, который в свое время перевесили из библиотеки. Именно благодаря частице этой Светлой крови я и ношу гордое звание «Светлого мусора» в абсолютно Темном роду «породнившихся», сумасшедших Блау. Первая Светлая сумасшедшая в Темном роду. Ну, здравствуй, бабуля!

Дядя замер рядом. Глаза застыли в одной точке. Параллельные потоки? Источник показывает нам разное, я вижу Светлую леди, а кого видит он? Сильны!

– Вайю... – Голос шелестел, перекатываясь под кожей, проявляясь в голове нечеткими символами. – Вайю...

Я склонила голову и сложила руки в традиционном приветствии Светлых. Младший Светлый приветствует Старшего. Как говорит наставник, ни одному Темному не дано проникнуться духом этого высокого искусства. И я вот за столько зим так и не прониклась.

– Девочка, у нас мало времени, много сил ушло. Дар знаешь. Силу знаешь. Спрашивай...

– Леди Вайю! – Голос дрогнул, я все-таки первый раз напрямую общаюсь с предками рода. – Зачем меня вернули? Кто заплатил за это?

– Десять. – Гобелен на потолке закружился, приблизив созвездие из десяти темных погасших звезд. Старое время, до Исхода? Десять? Десять членов рода ушли без посмертия? Этим уплачено?

– Десять ушедших добровольно. Заплатили за совершенное... до Исхода... род Блау уничтожил полностью... была вира... и был уничтожен полностью. Теперь круг повернулся. Долгов нет. Вира уплачена...

– Почему не могли сделать этого в прошлый раз? Почему? – Я не понимала причины.

– Долг должен быть возвращен полной мерой. Род Блау был уничтожен. Теперь долгов нет. Уничтожившие уничтожены. Убившие вернулись в смерть.

Я задыхалась. Почему мы должны были заплатить такую

цену. Почему именно мы. Почему именно так. Разве виноват был брат? Дядя? В тех ошибках, которые совершили сородичи? Род всегда платит за ошибки всех своих детей. Платит тройную виру. Мы заплатили.

Образ леди Вайю начал колебаться. Слишком большой расход энергии от источника, который давно не подпитывали жертвами и дарами.

– Главное – ты дар, дар роду храни... Хранящая. Мужчины хранить не могут, это задача женщин. Обет молчания только твоя задача... у каждого в роду своя задача. Уплачено за тебя... чтобы сохранила род Блау и приумножала... Десять ушло, десять должно вернуться в род... Верни... Зажги новые звезды.

Фигура Светлой леди начала колебаться и таять.

– Чего ты хочешь?

Хороший вопрос. Я хочу только одного: «Мести. Я хочу мести. Хочу, чтобы все заплатили за то, что сделали. Сдохли. Я хочу, чтобы все они сдохли. Сдохли. Сдохли!»

– Мечь запрещена. Мсти – и отомстят, это новый круг. – Проекция бабушки заметно взволновалась. – Наказание – не-жизнь. Задача хранить и приумножать жизнь, растить любовь. Ради мести нет жизни, только ради любви.

Я почувствовала, как ногти впиваются в ладони. То есть оставить все как есть, пусть живут после того, что сделали? Что еще сделают?

– Не оставить... не простить... Блау всегда возвращают

долги – добро и зло. Вернуть любой долг благо. Вернуть долг за благо – троекратное благо. Нельзя жить только ради мести. Вернули право жить – во имя любви... – Голос Светлой леди начал затихать. – Выйти замуж... детей... трех... муж... войти в род...

Голова нещадно трещала. Я сидела на холодном полу, опираясь на алтарь, дядя поддерживал голову и легко похлопывал по щекам. Из носа капало, я утерлась пальцами, замарав домашнее ханьфу. Горячее, яркое, красное, – алтарь все-таки взял свое свежей кровью.

– Вайю, вот *так* девочка, вот *так*... Ты перенапряглась. В первый раз у всех так. Молодец, Вайю, ты справилась, молодец. – Я вообще не помню, чтобы дядя когда-нибудь так легко и свободно улыбался. Так улыбался Аксель до того, как уехал в Корпус. Светло и шало, как мальчишка. – А теперь, девочка, давай, энергии источника хватит, покажи мне, что было в южных шахтах. Вайю, соберись, потерпи, осталось немного! Просто покажи мне, что ты видела...

Глава 4

Старые хрычи

– ...Спросила что? – Сир Виртас так сильно поперхнулся золотистым арийским, что обрызгал целительский сюртук, кресло и дорогой мирийский ковер.

– Спросила, откуда у нее на пальце появился родовой перстень. Эффект трансгрессии или привязанная телепортация из родового хранилища?

Мастер-наставник Вирт закрыл лицо ладонями и едва слышно простонал ругательство сквозь зубы.

– Я так и подумал, что вы это проходили о-очень давно. Да, и сразу после продемонстрированных вариаций смертей Блау, Аксея, кстати, повесили, а от меня остался один скелет. Не слишком веселое зрелище. Вайю спросила, может ли она заменить платье на сиреневое. Ведь в фисташковом идет одна из ее подружек.

– Значит, она приходит в себя. – Вирт расслабленно откинулся на спинку кресла. – Ты рисковал, считывая образы напрямую. Яд скорпиксов изучен не до конца, ты сам знаешь, и эта связь Блау... Мне стало казаться, что из пещер вернулась не совсем Вайю. Она такая... – Он покрутил в воздухе пальцами. – Ее глаза стали такие...

– Похожая на Рели.

– Да. Но если бы я две луны думал, что остался последним из рода, наверное, поседел бы. – Вирт дернул серебристую прядь. – Столько смертей, пропущенных через себя, не могли не дать обратку, учитывая второй Светлый.

– Чтобы построить дом, нужно срубить дерево. – Старший рода неторопливо крутил пустой бокал, наслаждаясь причудливыми узорами пламени от камина.

– Кастус, Аурелия просто убила бы тебя, потом подняла твой труп и расчленила бы с особой жестокостью, если бы узнала, как ты экспериментируешь с ее дочерью. – Виртас говорил лениво, старый спор, старые аргументы. – И заметь, я бы ее полностью поддержал.

– Аурелия – Хэсау, учитывая их методы воспитания, она поняла бы меня. Что страшного произошло? Ребенок посидел в пещерах пару лун – и мы имеем пробужденную Блау, с родовым даром, пассивным, правда. Но было бы чудом рассчитывать на еще одного активника в поколении. Эмпатия это неплохо.

– Неплохо? Всего лишь неплохо? Сир, вы путаете берега. У вашего верного слуги ни одного пробужденного родового дара. – Мастер Вирт изобразил пародию на глубокий придворный поклон. – Надеешься, что она прозреет в отношении Квинта? Это того стоило? Покореженный энергетический внутренний контур, кошмары... И я вообще удивлен, что Вайю не слетела на первый круг. Нэнс сказала, что она кричит во сне. Кричит, Кастус. И это несмотря на чары

спокойствия. Я не целитель душ, ты же знаешь, я наставник, и эти твои эксперименты...

– Дарами, Секстус, все окупается дарами. Вайю видела весь гобелен. Я не вижу дальше десятого колена, а ей показали весь.

– А нужно ли это, Каст? – Вирт заговорил с жаром, глотая слова. – Кому много дано, с того много спрашивают. Иногда слишком много. – Он с горечью покачал головой.

– Ничего. Нельзя. Сделать. Ты сам все знаешь. Эта академия через год... Так хоть какая-то защита. И теперь им придется учитывать и ее слово. Если только Вайю опять не выкинет очередную глупость.

– Обет молчания. Я подтяну в щитовых чарах. Разберемся с даром. – Вирт загибал пальцы. – Мы все равно не сможем утаить свет в мешке. Я, как наставник, могу снова вернуться в академию.

– Ты и столица? Не дразни псак. Пусть тренируется, пусть участвует в этом детском турнире. Пусть падает и поднимается. Сейчас рядом я, ты, Аксель. Есть кому подуть на колени. В академии никого не будет. Ее сожрут, Вирт, просто сожрут – единственная Светлая в Темном роду породнившихся, слабая, недаленовидная. Я ничего не могу там сделать! – Кастус обреченно махнул рукой в сторону Южного перевала. – Они следят за нами, как за крысами. Выращивают, скрещивают, разводят. Квинты слабы, но управляемы, а там...

– Я до сих пор не понимаю, как у Юстиния и Рели родилось такое незапланированное чудо. – Целитель нежно улыбнулся воспоминаниям. – Но я рад, что она Светлая.

– Ей это не поможет. Если... – Каст помолчал. – Если ее действительно замкнуло на Квинте – не удержим.

Сумасшествие. Сумасшествие Блау. Чем старше род, тем более редкими дарами балуют предки своих потомков, разделяя, как жемчужины в ожерелье. Вот этому – покрупнее и поярче, другому несколько мелких бисеринок – дары послабее. В роду Блау одаривали щедро и сразу, полной мерой получали потомки возможность чувствовать и находить темных тварей. Если есть хотя бы одна темная тварь, Блау всегда найдут выход. Но вместе с кровью уже много веков передавалось и проклятие. Тщательно оберегаемое. Тщательно лелеемое. Тщательно скрываемое. Сумасшествие Блау.

В каждой Темной семье, в каждом клане, если он вел род от Грани, можно было найти призраки старых проклятий. Что у Тиров? Что у Фейу? Хэсау? Можно было только догадываться, собирая крохи информации. Тиры никогда не женились по любви, а если случалась ошибка, то все трагические пьесы, сочиненные имперскими менестрелями, основаны на реальных историях клана Тиров. Хэсау были жестоки к детям. Фейу горды и высокомерны. Блау слыли несдержанными, взрывными и эмоциональными. Есть старая имперская шутка про тихого Блау в боевом трансе.

Но Блау действительно становились полностью сумасшед-

шими. Когда отсутствовал объект их страсти.

– Это может быть просто детское увлечение, влюбленность или любовь, совсем не обязательно, что это клин.

– Услышь тебя Великий! Но раздражительность, повышенная чувствительность, неспособность контролировать эмоции при удалении от объекта... Вспомни Юстиния и его картинки. Вспомни Акселя. Это действительно проклятие, Вирт. Ты не можешь есть, не можешь спать, не можешь думать.

– Но ни одного Блау не замыкало на живых людях. Всегда объектом...

– Ни один из истинных Блау не был Светлым! Ни один! Ты представляешь себе Светлую, коллекционирующую Темные артефакты? Разводящую скорпиксов? Тренирующую умертвий? Я не знаю, чего ждать от Вайю. И никто не знает. – Кастус устало вздохнул. – Я надеюсь, и они не знают. А пока не знают, пока им любопытно, пока есть выгода, у Вайю есть шанс. И если... я говорю *если* это Квинт, тогда у нас остается единственный вариант.

Глава 5

Ночная прогулка

Ночная прогулка не удалась. Или наоборот, удалась настолько, что я не знала, как этой неожиданной удачей распорядиться.

Спина подстывала. Осенние вечера становились все холоднее и холоднее, совсем скоро на северные склоны ляжет снег. Я пряталась в полуразрушенной башне. Старые развалины за опушкой леса никогда не были особенно популярным местом для развлечений, а по ночам и подавно.

В народе ходили байки про призраков псак и Дикую охоту Блау: что в особенно темные ночные часы старые неупокоенные духи выходят на охоту за чистыми душами и с визгом и гиканьем проносятся по поместью и деревне.

Это полная чушь. Дядя не потерпел бы неупокоенных так близко к родовому источнику, да и эманации места были бы совершенно другими.

Светила полная луна. Снизу, из-за разбитых щербатых остатков ступенек, ведущих в старую башню, можно было отчетливо разглядеть фигуры двух влюбленных голубков. Несчастные утки-мандаринки. Или лебеди-неразлучники? Нашли где устраивать свидание под покровом ночи.

Именно они и сорвали мне ночную тренировку.

Уже вторую луну я, дождавшись, пока уйдет Нэнс, выбиралась в лес. Мне нужно было понять, какие навыки у меня остались и чем я могу пользоваться. При наставнике и Ликасе открываться не хотелось, вдруг я ошибусь и пальцы сами выплетут что-нибудь из Темного седьмого-восьмого круга. Слишком сильны рефлексy, вбитые намертво.

Результаты были неутешительными. Тело тренировано слабо, пальцы негибкие, руки дрожат. Даже рунные круги у меня выходили криво и косо, и только со второго раза, а это – первый курс. Но Блау не сдаются, была бы возможность, а все остальное мы подтянем. Программу занятий я себе составила. Дядя со своим наказанием сыграл мне на руку, потому что я не знала, как объяснить свою внезапно вспыхнувшую любовь к учебе и тренировкам. Пока можно все валить на скорпиксов, тонкую психику Светлой леди и активацию дара Блау, но это ненадолго. Наставник далеко не дурак.

Место у меня было очень неудобное. Точнее, очень удобное для обзора и наблюдения, но крайне неудачное, чтобы его покинуть. Я была в ловушке. Бесшумно спуститься из разрушенной башни я не могла, левитация – это, простите, к воздушным элементарщикам, а не ко мне. Мелкие камешки и гранитное крошево ступенек противно хрустели под ногами, поэтому я сидела и не двигалась. Тело начало затекать.

Голубки уходить не собирались.

Внизу под дубом сир Квинт увлеченно целовал мою дра-

жайшую сестричку Айшу, нежно приобняв тонкую талию одной рукой. И надо признать, что выглядит стервец хорошо!

Света луны вполне хватало, чтобы разглядеть тонкий плащ с капюшоном, подбитый мехом северной выдры, который крайне удачно оттенял светлые волосы Квинтов. Высокие сапоги, замшевые брюки и неизменный гладий, пристегнутый к поясу. Мне всегда было интересно, не мешает ли меч целоваться? У меня был разный опыт, но именно так, с гладием между ног... Ведь через тонкое легкое ханьфу можно очень отчетливо ощутить все продолговатые формы предмета.

Мне было холодно. У меня совершенно затекли ноги, а руки без перчаток замерзли, и я уже не чувствовала пальцев.

Если бы я планировала сидеть в засаде, я бы оделась потеплее.

И согревающее не наложить. Квинт с его пятым кругом сразу почувствует возмущение силы в периметре.

Поцелуи перемежались совершенно бесполезными для меня ахами и вздохами. Нежными бормотаниями. Вот уж не думала, что Дарин может быть настолько романтичным. И тупым.

Неужели он серьезно думает, что Айша влюблена в него по уши? Конечно, играет она отлично – глазки в пол, потереть платочек... Нежнейшее и наитемнейшее создание. Трепетная кобылка перед укротителем. Робкая лань. Инстинкты

у Квинта работали на отлично, наверное, этим и поймала – многие сиры свихнуты на идее защищать.

Я была готова поставить свое родовое кольцо, что это не более чем большая игра. И Айша, и ее мамаша, моя драгоценная тетушка, совершенно не случайно затеяли ремонт менора именно этим летом, когда сира Квинта отпустили на каникулы из академии. Как же, соседи! Ну что стоит посоветоваться так, по-соседски, с богатым и перспективным молодым сиром, а то, что «почти-жених-почти-сестры» – это дело десятое.

По крайней мере, это многое объясняло. Поведение Квинта в прошлом всегда было отвратительным, но не всегда было объяснимым, но если в игру вступила Айша, это меняет все.

Голубки нацеловались.

– Айша, милая, ты все помнишь? – Из рук Квинта в кармашек девичьего плаща перекочевал небольшой мешочек.

– Дарин, любимый, я сделаю все, как ты сказал. – Легкий и робкий вздох. – Но я очень боюсь...

– Не бойся, я с тобой. Если что, ты всегда можешь отправить мне вестник. Главное убедиться, что ваша служанка справится и сможет продолжать незаметно подсыпать *этой* в еду.

– Не беспокойся, я давно придумала, какое дело у нашей служанки на кухне: мне нужна изысканная еда, в этой провинции все просто отвратительно готовят. – Айша сморщи-

ла носик и усмехнулась.

Выходишь из образа, дорогая,ходишь из образа.

– Пообещай мне, что это ненадолго. Я уже не могу смотреть, как она везде говорит о том, что ты будешь ее женихом.

– Обещаю, милая, обещаю... Ты же видишь – ничего ее не берет. И даже стаю скорпиксов пережила. – Дарин высокомерно усмехнулся. – Этот мусор не стоит того, чтобы ты о ней думала, я все улажу, нам нужно успеть... – шептал между поцелуями Квинт.

Пальцы так и чесались чем-нибудь их шарахнуть. Из того особого ассортимента чар с тонким целительским юмором. Например, спонтанное очищение кишечника. А что? Входит в базовую программу чар – очищение перед сложными полостными операциями. Я поморщилась. Эти спонтанные порывы и эмоциональные качели мне совершенно не нравились. Может быть, и правда возраст накладывает такой сильный отпечаток?

Великий, что в мешочке? Если они хотят подставить нашу кухарку, это слишком глупо. Маги – аларийка, а все аларийцы пришли в поместье вместе с мамой. Если они рассчитывают подкупить аларийцев, это идиотизм.

Все остальные слуги поместья приносят кровную клятву роду, и никто в здравом уме не поверит, что у кого-то получилось навредить Блау и остаться в живых. Клятва карает сразу. Значит, это что-то условно опасное, что позволяет обойти запрет.

Хорошо, хотите сыграть? Сыграем. Только немного повысим первоначальные ставки. Все-таки Великий хранит меня!

Возвращалась в поместье я со стороны заднего двора, миновав садик Виртаса с его особо целебными растениями, которые ну никак не могут произрастать нормально в нашем вредном, отравленном темными ядовитыми испарениями климате долины. Скользнула в маленькую калитку в стене и оказалась около конюшни.

Снаружи неярко горел ночной свет. В конюшне было тихо. Конюший спал, лошади фыркали и переступали копытами, шуршало сено. Я погладила по бархатному носу норовистого дядиного райхарца, почесала гривастого крепкого мохнатого иноходца, любимца Аксея, и нырнула в самое дальнее свободное стойло.

Зарылась в свежее сено, согреваясь и наслаждаясь родным запахом, который всегда дарил мне спокойствие. Мои лошадки. Это стойло скоро займет Кис-Кис. Завтра придет вестник, что Хэсау задерживаются на декаду из-за Прорыва Грани, но ситуация окажется гораздо серьезнее, чем они сейчас считают, и мой норовистый подарок приедет только к середине зимы.

Сейчас Кис-Кис еще не знает про меня и наверняка свободно носится наперегонки с ветром на высокогорных пастбищах Хэсау. Моя дикая прелесть, очень надеюсь, ты при согласишься мне сегодня.

Старый конюх старательно делал вид, что его сморило. Но в своей конюшне мимо него и мышь не проскочит, шутка ли, проворонь кого, по голове не погладят. Поэтому появлению маленькой мисси он не удивился – слышал ее шаги еще у калитки, да и кони почуяли и взволновались.

Странные, надо сказать, шаги.

Ровные, четкие, экономные. Ни одного лишнего звука, ни одного лишнего движения. Так ходят в Сером переулке, где собираются наемники и всякий сброд. Осторожно, наступая не на всю стопу, все время начеку. Уж он-то такого насмотрелся в свое время, пока не осел у Блау. Его привечали за то, что всегда лошадок любил и чувствовал лучше, чем людей.

А маленькая мисси всегда ходила шумно, сразу заполняя пространство капризами и слезами, если что-то было не по ней. Не была злой, нет. Лошадки это завсегда чувствуют. Но невыносимо громкой.

Да и разве раньше можно было представить, чтобы райхарец подпустил бы ее к себе?

Старик покачал головой.

Райхарцы, они самую суть чувствуют, стержень. Да и не пойдет такой конь ни под чью руку, кроме хозяина, если признал – сира Кастуса. А тут, гляди, сам башкой боднул, под девчачью руку подставился.

Чудны дела твои, Великий!

Маленькой мисси часто сбегала в конюшню. Поиграть. Поплакать. Пересидеть бурю. Поспать. Еще пару годков на-

зад старый конюх всегда держал про запас кулек сластей с кухни, проверенный лично Нэнс. Но уже пару зим как мисси не приходила. «Выросла», – кивала на это Нэнс.

И вот, гляди ж ты, пришла.

Старик прислушался. В дальнем стойле привычно шуршало сено. Поздно уже – надо бы тихонько разбудить с утра, чтобы не проспала свои утренние беганья. Или сказать кому?

Старик с удовольствием причмокнул губами, вспоминая налитую соком, полную, статную фигуру аларийки.

Пусть мисси спит. Шутка ли, вторую луну ночами шастает, но не его это дело.

Старик пожевал губами. Стоит ли отправить весть в табор, что с мисси не все ладно, или подождать? Подождать, решил он, заглянув в дальнее стойло. Мисси тихо сопела, зарывшись в сено, как маленькая.

Его дело следить, чтобы все хорошо было, вот он и проследит – и за лошадами, и за маленькой госпожой, чтобы никакаямышь...

А утром уж он постарается, пошумит ведрами погромче, чтобы госпожа успела незаметно уйти, ведь сильно не любят господа, ежели их слабость кто видит, сильно не любят...

Глава 6

Артефакты

Где-то недалеко от хранилища капала вода – мерно, монотонно. Звук вызывал плохие ассоциации и головную боль. Темно, сыро, паршиво, страшно.

Дядя увлеченно копался на полках, примеряя то одну вещь, то другую. Наитемнейшие и наиценнейшие предметы его коллекции были сложены рядом аккуратной горкой – возьмет к Хэсау. Защита. Нападение. Артефакты блокировки. Темный шторм.

На дяде уже были надеты два ремня, браслет малого щита и восемь перстней разной направленности. Одно слово – мастер-артефактор. Те без своих цацек и шагу за порог не сделают.

Я слышала тихое бормотание и ругань. Браслеты не находились.

Узкую резную палочку из черного дерева я убрала в дальний карман и считала, что этого артефакта защиты полного круга мне вполне достаточно. Он даст выиграть время при условии нападения, а там и помощь придет. Но дядя был непреклонен.

О том, что клан Хэсау не приедет, нам сообщили за завтраком. Вестник был Темным, от него пахло дымом, сгорев-

шим мясом и тем самым неуловимым трупным запахом Грани. Прорыв.

Хэсау собирали всех. Линия побережья тянулась вдоль всей горной гряды, и Прорыв в одном месте вполне мог спровоцировать цепную реакцию. Каждый род здесь, в пределе, был кровно заинтересован в том, чтобы защитная линия устояла. Спешно проверялись артефакты на сигнальных башнях и уровни подпитки источников.

От нас к Хэсау отправлялся дядя, как трибун восьмого круга и один из самых непредсказуемых гильдейских артефакторов нашего предела. Если бы Аксель был здесь, он бы со всем максимализмом Блау рвался бы на передовую, почувствовать Грань вживую, пожечь тварей, упокоить умертвий. Аксель все еще воспринимал это как большую игру, которая может пощекотать нервы и позволит потом щеголять на балах статусом защитника Грани.

В отличие от Акселя я не раз и не два была в центре Прорыва. Армии мертвых, торнадо и раззявленная пасть ока в виде гигантской алой воронки в небесах, это выглядело не так уж красиво и героически.

Умертвия откусывали руки и ноги, крошили головы, сплющивали броню доспехов с нечеловеческой силой. Кровь, грязь, трупная вонь, вот на что похож Прорыв Грани. Полевые госпитали, которые торопливо разворачивали целители недалеко от эпицентра, тоже зачастую страдали, мы потеряли много мастеров, когда защитные артефакты просто

не выдерживали натиска.

Я боялась.

Не того, что дядя не вернется, нет. Я помнила, что этот Прорыв будет локальным – да, он гораздо сильнее, чем ожидалось, и уйдет много времени, чтобы потом залатать прорехи, но защита предела справится. Дядя вернется домой раненый, но живой и такой же бодрый, Хэсау приедут к середине зимы. Но я боялась не этого.

Этот обгорелый вестник с трупным запахом был как темный привет из прошлого, когда твари рычали, скребя когтями по периметру защитного круга, дожирали тех живых, кто вовремя не успел вернуться под защиту, и скалились, скалились, скалились...

Я боялась, что ничего не смогу изменить.

Где я и где Грань. Возможно ли это, чтобы одна маленькая песчинка смогла развернуть колесо, смогла изменить поток целого мира? Я не элементарщик, не Император и не верховный жрец. Мое слово не имеет веса, и я никому не могу рассказать о том, что знаю. До этого я думала, что обет молчания является злом – если бы не он, единственной моей задачей было бы попасть к Императору или военным трибунам, рассказать, что будет, и просто переложить задачу на крепкие мужские плечи. Это задача мужчин, а не женщин – защищать. Но я не могу. Пока я вообще ничего не могу, кроме того, чтобы проводить дядю и попросить его беречь себя.

Очередное отделение хранилища мигнуло снятой защи-

той, и дядя наконец удовлетворенно вздохнул, нежно оглаживая маленький кованый сундучок – найдено!

Хранилище располагалось справа. Немного выше уровня источника и алтарного зала, чтобы все артефакты рода всегда получали достаточное количество энергетической подпитки. Я не знаю, как в других родах, меня никогда не посвящали в чужие тайны, а в нашем хранилось совсем немного предметов, около трехсот. Но каких предметов! Думаю, Квинты отдали бы многое, чтобы запустить сюда руки.

И Темная библиотека, собирать которую начал один из первых Блау.

Для меня здесь не было практически ничего полезного. Светлая направленность силы всегда будет конфликтовать с Темными, даже родовыми артефактами, а это мучительные головные боли, отток энергии, потеря ориентации, несоизмеримая плата за возможность потенциальной защиты. Я до сих пор ходила с маленьким детским колечком, где-то добытым матерью. Ничего серьезного, так, легкие чары левитации, простые яды, детская сигналка. Но дядя никогда не рассказывал, как и где Темная леди смогла достать детский защитный артефакт Светлых.

Единственные истинно Светлые Реликвии – именно так, с большой буквы именовал их мастер Вирт, принесла в наш род моя прапра, та самая первая леди Вайю. Наставник рассказывал, что Светлые долго не могли смириться не с тем, что им пришлось породниться с Темными, а с тем, что в ка-

честве контрибуции род Блау потребовал не только невесту, но и Светлые родовые артефакты. Замахнулись на святое. Они передавались по женской линии, и только те, в ком текла кровь Арритидесов, могли использовать их.

Сейчас род Арритидесов поредел, но даже так, с учетом моей искренней нелюбви к ветвистым родовым деревьям Империи, я могла навскидку перечислить двух-трех Светлых леди, которые могли бы носить наши родовые браслеты.

Браслеты выглядели странно. Широкие и плоские, единственным украшением которых были четкие цепочки витиеватых рун по периметру. Больше похожи на кандалы или боевые наручи.

Дядя осторожно передал мне шкатулку.

Наши скептические взгляды встретились, и он пожал плечами. Не только у меня вызвали большие сомнения их защитные способности, да и были ли они таковыми? Единственное, что можно было почерпнуть из семейной истории, это что Вайю Блау, в девичестве Арритидес, умерла в своей постели и до последнего вздоха не снимала браслеты. Наверное, по мнению наставника и дяди, мысль о том, что прапра умерла своей смертью, должна была убедить меня в целесообразности надеть это.

Спорить дальше я не видела смысла. Я и так выторговала достаточно, чтобы участвовать в этом сомнительном эксперименте. На время отъезда дяди я остаюсь за Старшую. Я считала это правильным, потому что в прошлый раз тетя

искусно превратила мою жизнь в подобие Грани своими постоянными указаниями.

Самый главный аргумент: тетя – не Блау. Как любит повторять Аксель, только Блау могут указывать Блау. Но дядя оставил тете возможность накладывать вето на любые мои начинания, кои могут повредить репутации Блау. Очень обтекаемая формулировка. Очень. Но это было лучшее, чего я смогла добиться. Наставник отвечает за жизнь, тетя – за репутацию.

– Вайю, я не могу уехать и оставить тебя без защиты. Твой артефакт пока не готов. – Я знала, что ради меня дядя уже несколько зим пытается создать особый объект, соединить Светлые и Темные потоки, чтобы они уравнивали друг друга, как моя Светлая сила и Темная кровь. – Ты знаешь, я не уверен во всех функциях браслетов, но их защитная сила абсолютно неоспорима. И это главное. Со всем остальным мы потом разберемся. И носить их может только дочь Арритидесов.

Эксперимент был так себе, если честно. В своей способности дожить до возвращения дяди я была уверена и так, а использовать древние неисследованные артефакты, которые, вполне вероятно, обладают определенными зачатками духа, не хотелось.

– Дочь Блау, дядя, дочь Блау! – Я нарочито покрутила родовую печатку на пальце. – Может быть, дочь Хэсау... но Арритидес?

– Разве тебе не нравится? – Дядя откровенно соблазнял. Браслеты выглядели не дорого, а запредельно дорого. Из разряда тех предметов, ценность которых не имеет цены. Простые формы сами по себе просто кричали – мы видели Исход, мы старше, чем та земля, на которой вы стоите. – Подумай, как хорошо они будут смотреться с новым серебристым ханьфу, которое ты хочешь надеть на малый прием.

Мне нравилось. В этом и была проблема. Проведя шесть лет в военном минимализме боевых госпиталей, я еще больше стала ценить редкие вещи. Мягкий мирийский ковер, в который так приятно зарываться пальцами босых ног, выдержанное золото мирийских вин, нежные летящие ткани и южный кофе.

Обычно все, что мне нравилось, так или иначе приводило к крупным и не очень неприятностям. И при виде этих браслетов мое чутье из прошлой жизни просто выло сигнальным артефактом.

Я настроилась и постаралась прощупать дядю эмпатией. Безусловно, до точечного управления даром мне еще пару зим, и сейчас он срабатывал только тогда, когда заблагорассудится, но вдруг... Дядя был доволен, счастлив и предвкушал что-то грандиозное. Эмоции были чистыми и такой силы, что свободно протекали через дядин эмпатический щит. Это насколько же он доволен? Это почти как удовольствие от... от грамотно составленной и проведенной партии в го. Не хочет же он выманить Светлых на эти браслеты, которые

не всплывали уже четыре сотни лет? Дядя, скажи мне, что вы с наставником не используете меня как наживку!

– Хорошо. – На самом деле я уже дала слово и не могла отказаться. Теплый золотистый металл пел мне, когда я взяла один из браслетов в руки, он шептал что-то на своем странном языке, и я уже не могла сопротивляться этой силе. Я защелкнула их на запястьях, и это было огромнейшей глупостью, которую мы могли сделать.

Активировать Светлые артефакты прямо у Темного источника Блау.

Голова нещадно трещала. Надо мной переругивались дядя и наставник, Нэнс причитала где-то на заднем фоне. Пробуждение не очень отличалось от первого в этой жизни.

– Кастус, как можно быть таким... – Вирт не смог подобрать слова, чтобы не называть сира идиотом при слугах. – Это же Светлые артефакты, Светлые!

Ну-ну, наверняка чувствует себя виноватым, а на самом деле это в светлую в прямом и переносном смысле голову мастера-наставника пришла эта восхитительная мысль – экипировать свою ученицу в свете предстоящих событий. На самом деле мне кажется, что у наставника просто давно чесались руки. Упустить возможность вживую на практике проверить работу артефактов эпохи Исхода от самих Арритидесов он просто не мог.

Старые хрычи.

– Вирт, я не предполагал, что они перейдут сразу в активную стадию. Мы же рассчитывали на пассивную защиту. Я не думал, что хватит второго круга, чтобы управлять ими. – Да, дядя, это очень хороший вопрос. Кто кем управляет, так как пока что я отдельно – они отдельно, и, судя по всему, у браслетов есть свое собственное мнение по этому вопросу. С технической точки зрения это ошибка наставника, как Светлого специалиста, но это де-юре. А де-факто наставник жив-здоров, цветет и пахнет, значит, цели были истинно благие. Иначе клятва наставников сработала бы при нанесении запланированного вреда ученику.

– Это аномальная реакция на кровь, Кастус. Темная кровь. Светлая сила. Темный родовой источник. Светлый артефакт. Мне продолжать?

Про кровь замечание было ценным. Я чувствовала, что браслеты при активации высосали у меня как минимум несколько флаконов крови. Привязка любых артефактов активируется несколькими каплями крови. Сейчас я ощущала заметный упадок сил. Это сколько же выкачали или Светлая составляющая моей крови так мала, что им потребовалось так много?

– Но сила же Светлая! – Они синхронно покосились на мои запястья. Упырские браслеты потемнели, напившись крови, и теперь сияли тусклым серебром. Никакого светлого золота нет и в помине.

– Может, они перешли в пассивный режим? – В глазах на-

ставника горел настоящий азарт сумасшедшего исследователя. Где была моя голова, Великий, когда я решила нацепить это!

На самом деле дядя при поддержке наставника просто продал свое решение. Грозился отозвать Акселя из Корпуса, запереть меня дома и оставить тетю за Старшую, пока он не вернется от Хэсау. Но это точно был не лучший вариант. У меня много дел в ближайшие три декады, и я никак не могу позволить себе изменить планы.

Браслеты прапра казались приемлемым злом. Сейчас я уже была в этом не уверена. В той жизни дядя ограничился одним универсальным артефактом защитного круга, который я выпросила и в этот раз. Но никаких браслетов не было.

Или это такой привет от первой леди Блау-Арритидес? Я покрутила запястьями. Может быть, эти кандалы должны помочь мне защитить род? Познакомить с мужем? А может, они каким-то образом блокируют силу Грани? Не зря же Арритидесы уже четвертое столетие налагают вето на любые предложения и проекты Блау в Совете.

Одни вопросы.

Светлые пределы

– Они активировали их, они все-таки активировали их! – Светлый сир замер на границе алтарного круга, как будто пытался кончиками пальцев уловить энергию, которую почув-

ствовал родовой алтарь Арритидесов. – Наш час пробил! – Он повелительно махнул рукой своему сопровождению, которое стояло чуть поодаль, так почтительно склонив головы, что ритуальные косы касались плиток пола.

– Подготовьте две звезды. Семя Арритидесов на следующий оборот продолжит обучение в академии. Первый курс. Пока задача просто сопровождать. Дальнейшие указания будут позже.

Они активировали их... Он спрятал внезапно задрожавшие руки в широких рукавах ритуального ханьфу.

Скоро. Уже совсем скоро. Мы ждали так долго, осталось совсем немного...

Дядя отбыл на рассвете. Мы провожали его скромным составом. Тетя и сестрички попрощались вчера за ужином, а вставать так рано утром это слишком по-плебейски. Вставать рано – удел слуг.

Райхарец нервно бил копытом, почуяв сильного соперника в гнедом, которого оседлали для одного из солдат сопровождения. Сейчас путь лежит до предместий Керна, потом через земли Фейу, а там портал – и земли Хэсау.

Я сложила руки козырьком, прикрывая лицо от самых первых жгучих лучей дневного светила – рассветы в нашей долине всегда наступают внезапно. Мастер Ликас стоял рядом, подпирая колонну. Он выразительно постукивал двумя пальцами по жесткой мозолистой ладони – да, еще два кру-

га вокруг поместья и малая полоса препятствий, потом свободное время днем и вечером еще одна тренировка. Дядя решил, что это поможет мне меньше думать лишнего, пока он у Хэсау, и увеличил нагрузку.

Я не жаловалась. Сильное тело – сильный дух. Мне нужно многое успеть к академии. Я нащупала тонкую витую цепочку на шее – малая печать Блау была спрятана под кофтой и, честно говоря, грела душу.

Дядя подошел к райхарцу, проверил подпругу и обернулся на меня. Глаза в глаза. Все, что нужно было сказать, уже давно сказано. Блау всегда хранят Блау. Я знаю, что дядя не изменил своего мнения, и не видать мне малой печати, если бы не активация родового дара, но я все равно была рада. Если предки рода сочли меня достойной, то как может он, Кастус Блау, оспаривать их решение.

Я отсальтовала дяде несколько раз, приложив кулак к груди, браслет сердито стукнулся о металлические чешуйки легкого нагрудника. Возвращайся, дядя, я буду ждать.

Просто возвращайся ко мне.

– Вайю, время! Два круга, шагом ма-а-арш! – Мастер Ликас без предупреждения опять хорошо приложил меня по пятой точке ножами гладия, а я опять не успела увернуться. Попа ощутимо заныла. Это он называл придать ускорение объекту, и когда я наконец научусь предугадывать такие унижительные атаки и уворачиваться от них, мы сможем пе-

рейти на «взрослую» полосу препятствий Акселя.

А пока что я тренировалась в детской «песочнице» и не выполняла даже тот минимум, который был нужен для принятия в академию.

Глава 7

Проверка Нэнс

Я готовилась ко сну. В прострации расчесывала волосы, конечно, далеко не сто раз, как положено воспитанным си-рам, любовалась кружевом ночной сорочки – все-таки мир-рийский шелк это нечто, снова и снова прокручивала в го-лове базовые стойки, которые сегодня начал показывать мне мастер Ликас. Подача материала в корне отличалась от того, что в свое время нам давали в академии.

Сзади негромко хлопнула дверь – Нэнс должна была при-нести немного свежего успокаивающего чайного сбора на ночь. И я так и не разобралась с тем мешочком, который Квинт передал Айше. Это вызывало тревогу. Я каждый день проверяла всю еду несколькими артефактами и парой не осо-бо заковыристых чар, но пока ничегошеньки не обнаружила. Решили не спешить? Ждут чего-то?

Ожидание меня напрягало. И никогда не было моей силь-ной стороной. Видимо, когда Великий раздавал терпение, дочь Блау стояла в очереди за чем-то еще.

– Нэнс, скажи мне, часто ли в последнее время на кухне вертится Ливия, горничная Айши? – Я повернулась на мяг-ком пуфике – Нэнс расставляла чашки и маленький, исходя-щий белесым паром заварник на чайном столике.

Аларийка обернулась; если бы я не знала свою Нэнс, то решила бы, что она собирается в последний бой: спина выпрямлена, глаза горят, на щеках лихорадочный румянец, поднос держит перед собой, как щит, смуглые пальцы побелели от напряжения.

– Нэнс... – Я не понимала, что происходит, и поэтому приближалась медленно и очень плавно, чтобы не спугнуть. Обогнула столик и осторожно нацедила себе пиалу чая. Напиток вышел чудесным. С терпкими осенними нотками можжевельника, желтых махровых цветков зорьки и мяты.

– Нэнс... – позвала я еще раз.

Моя верная боевая служанка зажмурилась и осенила себя знамением на аларийский манер, а после этого началась самая настоящая драма. Поднос взлетел, мелькнули широкие рукава ханьфу.

Удар металлическим подносом пришелся мне в плечо по касательной. Было бы странно ожидать от Нэнс прицельной точности с закрытыми глазами, но все равно было больно. Чай расплескался, пиала закатилась под чайный столик. Нэнс выгибалась на ковре в мучительных судорогах.

Она бледнела, хрипела и скребла ковер скрюченными, начавшими чернеть пальцами. Если я правильно помню, следующая и последняя стадия – когда почернеют губы. Процесс станет необратимым, если наказание дойдет до сердца.

Нэнс закатывала глаза и тянула ко мне руки: «Госпожа... мисси...»

Знать бы еще, кто из них додумался до такой оригинальной идеи.

– Отменить наказание! – Я села рядом и коснулась кончиками пальцев лба Нэнс.

Аларийка сразу затихла. Дернулась несколько раз и затихла. Дыхание приходило в норму. Двигаться она не могла, в больших темных глазах, полных ужаса, стояли непролитые слезы.

Нэнс. Нэнс...

– Проверила? Клятва работает? – Мне даже не пришлось делать голос строгим, меня саму потряхивало. Эти аларийские выскочки, высокомерные в своем невежестве... Неужели никто не сообразил, что теперь, с малой печатью, наказание будет в несколько раз больше. Благо на месте не прибило.

Додумались – поднять руку на госпожу, проверить родовую клятву.

– Ликас тоже участвовал? Маги? Нэнс, в чью светлую голову пришла эта идея? Давай закроем этот вопрос сразу. Ты можешь ударить меня еще раз и получить наказание. Ты имела право на некоторые сомнения, но чтобы это был первый и последний раз, когда ты сомневаешься в своей госпоже... и ее праве. – Я вложила в голос немного силы. – Нэнс, – я потрясла у нее перед носом родовым перстнем, – неужели никому не пришло в голову, что это значит? Неужели ты думаешь, Старший рода пропустил бы что-то, что смогли увидеть вы? Поразительное невежество.

– Мисси, простите, мисси! – Нэнс подползла на коленях и вцепилась в подол сорочки. – Мы думали... сказали, наша мисси изменилась... нужно проверить... как чужая... Простите меня, мисси, простите, простите меня...

Аларийцы в поместье представляли собой отдельную касту. Касту среди слуг. Приехавшие вместе с Аурелией Хэсау, они остались служить ее маленькой дочери. Нет, клятву рода Блау приносили все, но именно аларийцы умудрялись как-то так трактовать приказы, чтобы игнорировать отдельные распоряжения и служить сообразно своему странному аларийскому разумению. Следили друг за другом, держались все вместе и до дрожи обожали свою маленькую мисси.

Поэтому проверка была ожидаема. Я, правда, думала, что их коллективный аларийский разум отправит Ликаса, но они бросили на передовую Нэнс.

Клятва крови сработала четко. Причинение вреда – наказание, соразмерное поступку, но эти деятели не учли, что дядя оставил мне малую печать Блау. Или тоже не сочли это важным?

Идиоты. Я вздохнула – последствия нарушения клятвы всегда очень неприятны. Нэнс захлебывалась плачем, продолжала целовать руки, края ночной рубашки, счастливо улыбалась сквозь слезы и говорила, говорила, говорила...

Рассказывала о том, как для поисков собрали всех охотников поместья, охрану и свободных солдат.

Как испугалась сира Кастуса, который вылетел из алтар-

ного подземелья и, даже не вдев ноги в стремя, рванул на райхарце в сторону шахт.

Как мастер Вирт, наставник-целитель, целую луну пытался привести госпожу в чувство и как она потом собрала и вымела несколько разбитых у стены флаконов из-под лечебных зелий.

Как кухарка Маги напугала ее старыми аларийскими преданиями о неупокоенных духах, которые занимают место живых; что-то говорила про райхарца, старика и охрану; как больно она ударилась о дверь, когда мисси очнулась и не узнала их сразу; как сильно изменилась их девочка, ведь Нэнс-то видит все, все чувствует...

– А как же родовой перстень? – Я вздохнула. Аларийские предрассудки неистребимы. Хоть они и стали верить в Великого, но на поверку из всех щелей лезут дремучие суеверия.

Нэнс отерла сопли передником и громко, трубно высморкалась.

– Это ваши господские заморочки, мы люди простые, к вашим правилам не приученные. А то, что наставник ваш да дядя на вас косо смотрют, это уж все заметили. Всё смотрют и смотрют... И мастеру Ликасу наказали во все глаза смотреть, значит. Наше дело простое – теперь вот никто не скажет, что не наша мисси из шахт вернулась...

Ох, Нэнс! Я протянула руку, чтобы потрепать ее по голове, но вместо этого приобняла, как в детстве. Моя старая, добрая, верная Нэнс.

– Теперь, ежели что, – она воинственно вскинула крепкий кулак, – вот они у меня где, если кто еще будет про мисси язык распускать!

– А кто говорит, Нэнс?

– Так Ливия и говорит, мисси. У-у-у, змеюка... Как придет на кухню, так и чешет своим поганым языком, так и чешет!

– Нэнс, а что еще говорит Ливия... и другие слуги, которых тетя привезла с собой из менора?

Глава 8

Малый совет

В сон клонило неимоверно. После разговора с Нэнс я спешно меняла планы и в полночь собрала в верхней библиотеке малый домашний Совет.

За круглым столом среди бесконечных книжных стеллажей сидели наставник Вирт, мастер Ликас, начальник внешнего периметра, который начинал служить еще при моем дед-де, управляющий поместьем и старый дед-казначей Луций, который в далекой юности развлекался тем, что отлавливал умертвий, потом с нижних чинов дослужился до трибуна и, покинув легион следом за моим отцом, осел здесь, в поместье Блау.

Все эти люди, кроме наставника, отличались тем, что помимо традиционной клятвы роду приносили еще отдельную вассальную клятву каждому последнему Блау – мне, дяде и Акселю. Это значило, что между интересами клана и моими они всегда выберут мои, потому что я для них и есть олицетворение Блау. Мне нравилась эта незатейливая формула: сначала эта конкретная Блау – потом весь клан.

Члены малого Совета были, мягко сказать, удивлены. Щурились, улыбаясь, смотрели снисходительно. Ликас и дед-казначей явились в свободных ночных рубахах под плотны-

ми вечерними халатами-ханьфу, вот уж никогда бы не подумала, что мой наставник по боевке спит в классических рубашках. Вирт был одет с иголочки, и только слегка мятая с одной стороны светлая шевелюра выдавала, что наставник уже планировал прилечь. Начальник охраны и управляющий еще не ложились.

Напротив этих больших суровых дядек сидела маленькая я, в домашнем теплом халате, откуда выглядывало кружево ночной сорочки, в мягких пушистых тапочках и с заплетенными в простую косу на ночь волосами.

Я заставила Нэнс трижды переодевать халат, пока не добилась нужного мне эффекта – воплощенной невинной глупости.

Мне нужен был максимально жесткий контраст. Я и дядя. Я и Аксель.

Все они должны здесь и сейчас понять, что Блау бывают разные, и наличие мягких пушистых тапочек совершенно не отменяет того факта, что я имею право. И мое право выше, чем у них всех вместе взятых.

Я молча выложила малую печать перед собой на стол. Кругляш звякнул, и герб Блау запульсировал светом в такт сиянию родового перстня.

Дедок-казначей улыбался, Ликас хмурился, начальник охраны сохранял каменное выражение лица, и только наставник порывался что-то сказать.

– Наставник, пожалуйста, заглушку на библиотеку. –

Я махнула рукой Виртасу.

Он закатил глаза, но скастовал чары.

– Пожалуйста, мастер, полную версию защитного круга.

– Вайю, полночь на дворе, что за детские игры в Совет? Ты могла бы собрать нас завтра. – Вирт неохотно сделал, что просила.

Наставник, прости, но пока по-другому нельзя. Не доросла.

Я прикрыла глаза и обратилась к своей сути. Я потянулась вниз – туда, где пока еще спал алтарь. Я почувствовала, как глубоко внизу ожил и заворочался источник. Чувствовала, как проснулся каждый из артефактов хранилища, чувствовала каждую башню поместья и каждый шпиль, устремленный в ночное небо. Я была землей, и я была ветром на земле Блау, я была птицами, которые кружат над сигнальными башнями на нашей границе, я видела, как светятся сигнальные костры и как сверкают глаза солдата, который стоит сегодня на страже.

Я была ветром, который летел к Хэсау, и видела дядю, который сжигал умертвия. Дядя обернулся и ошеломленно прошептал: «Вайю...» Я видела Данда, который танцевал с мечами там же, на правом фланге, и длинные барханы пустыни. Я была воздухом, которым дышал спящий в серой военной палатке брат – видимо, Корпус на сборах. Брат заворочался во сне и нежно улыбнулся мне.

Вайю, Вайю, Вайю... – пел источник. Вайю – вторил ветер.

Вайю – шептали камни на нашей земле...

Руки запекло, браслеты взбунтовались, и я почувствовала, как их жадные острые шипы прошли кожу запястий, добираясь до свежей крови. Нажаться. Остановить. Закрыть поток.

Я расхохоталась. Это невозможно остановить. Я и есть Блау. Я и есть сила. Я и есть кровь от крови и плоть от плоти. Я емь Блау, а не Арритидес – смиритесь. Светлая сила, но Темная кровь.

Когда я открыла глаза, никто из членов малого Совета не улыбался. Я видела искорки молний, которые пробегали по моим волосам, спускались на кругляш печати, перепрыгивали на руки и браслеты. Родовой перстень Блау сиял ослепительным светом.

– Я бы хотела... – Мне пришлось помолчать, смирив силу, звучавшую в голосе, она гнула головы и плечи к столу.

– Есть ли у кого-то сомнения в моем праве? – Я прямо посмотрела в виноватые глаза Виртаса. – Хорошо. Чтобы мы могли говорить дальше, мастер-наставник, я хотела бы услышать клятву. Малую вассальную. Ограничения – нахождение на территориях Блау.

Вирт резко вскинулся, попытавшись возразить, но родовая сила взъярилась и практически впечатала его в столешницу. Да, над контролем мне еще нужно поработать.

– Мастер?

Вирт попытался кивнуть.

Рубленные слова короткой клятвы на древнем он произнес, распластавшись на столе. Капля крови на малую печать... и его отпустило.

– За-ме-ча-тель-но! Теперь мы можем приступить к тому, ради чего мы здесь, собственно, и собрались. – Я неслышно вздохнула с облегчением и отпустила силу. Все-таки это огромное напряжение, не сейчас и не с моим вторым кругом проводить подобные эксперименты. Еще несколько мгновений, и, если бы наставник промедлил, Вайю Блау оконфузилась бы.

Да, это был огромный риск. Я могла позвать, а сила не откликнуться. Я могла не удержать поток или повредить энергетические каналы, но, слава Великому, я рассчитала верно. Моя удача сегодня была со мной.

Это был единственный доступный мне сейчас способ, чтобы ко мне сразу отнеслись серьезно. Да, завтра будет утро, ночь забудется, но они не забудут силу, которая сегодня заставила их склонить головы. Не моя сила – сила Блау.

– Здесь несколько интересных моментов. – Я подвинула маленькую пирамидку-артефакт к центру стола. Наставник удивленно дернул бровью. – Да, наставник, сама.

Я широко улыбнулась. Над одноразовым артефактом произведения мы бились всю весну и лето. У «той» меня никак не выходили даже простейшие действия. Силы хватало, не хватало навыков и терпения по чуть-чуть направлять

поток воспоминаний, постоянно удерживая одинаковую скорость и ширину канала.

До сих пор испорченные в ходе обучения пирамидки неровной горкой были свалены в дальнем углу лаборатории Виртаса, прямо за стеллажами с ингредиентами.

Конечно, раньше такой объем мыслеобразов я бы паковала в два, а то и в три раза быстрее. И это была не первая, а вторая пирамидка, первую я все-таки испортила и залила кровью, хлынувшей из носа от перенапряжения, но вторая мне удалась. Если в академии меня попрут с целительского, я всегда смогу подрабатывать подмастерьем в лавке, буду клепать артефакты с образами на заказ.

Артефакт тихо зажужжал, выстраивая над столом трехмерную проекцию. Изображение было узнаваемым, но все равно шло легкой рябью – над качеством заливки надо будет еще поработать.

Воспоминания я выбирала на первый взгляд хаотично, но выстроила четкую последовательность образов. В конце просмотра у всех должно было сформироваться одно-единственное мнение.

Над столом в свете луны обнимались и разговаривали Квинт и Айша. Пели ночные свиристели... Маленький тканый мешочек перекачивал в карман плаща.

Разбитый родовой алтарь Блау и обгорелые остовы башен разрушенного поместья... Этот образ я взяла из кошмаров, которые мучили меня каждую ночь.

Легкий кивок стражника у внутренних ворот в ответ на кокетливый сложный жест и улыбку одной из тетиних горничных...

Разговор про Ливию и слуг...

Поднос... удар... извивающаяся Нэнс на ковре...

Проекция погасла.

Ликас хмурился, сжав пудовые кулаки. Начальник охраны подался вперед, как гончая, почуявшая добычу. Проморгали.

Дедок Луций сидел с довольным и одобрительным видом, сложив пухлые руки домиком... Знал?

Больше всего меня интересовала реакция Виртаса. Запись была неполной. Из первоначального варианта я убрала последний фрагмент – короткий эмоциональный спор наставника с Ливией, служанкой Айши. Да, спор был без звука, потому что я наткнулась на них совершенно случайно, задремав на дальней галерее – оттуда не было слышно, но факт остается фактом.

Наставник, какие у вас могут быть общие дела с тетей?

Глава 9

Новые откровения

Разошлись мы под утро, когда светало. Мастер Ликас был непреклонен – утренней тренировке быть, поэтому ложиться я не стала.

Операция «домашний переворот» была назначена на завтрак. Как-то совершенно естественно главой и оперативным руководителем штаба стал дед Луций. Что, куда, кому... Авторитет его не оспаривали, и я решила присмотреться к Луцию получше.

Раньше мы общались мало – не было причин, и дедок сгинул вместе с дядей в Левинсбрау. Уехать уехали, а обратно так никто и не вернулся.

Голосовали единогласно: пресекать на корню. В воздухе пахло изменой. Всех чужих слуг связать и провести через малую вассальную клятву, выживут – выживут, нет – туда им и дорога.

С тетушкой и кузинами было сложнее. Номинально за такое самоуправство с чужими слугами я могу получить вызов в дуэльный круг. От тетушки и Айши? Смешно.

С одной стороны, это мой дом и мой род, моя территория. С другой – тетя старше по возрасту и силе, но не титулу, и малую печать Блау дядя оставил мне, так что де-факто

Старшая я, и на моей территории происходит беспредел.

Великий, как просто было на войне! Никаких особенных имперских родовых заморочек. В операционной целителей все границы как-то сами по себе незримо стираются.

Мне хотелось побегать и подумать.

Разложить по полочкам полученную информацию, отфильтровать вскользь брошенные фразы, жесты, еще раз оценить взгляды. На душе было беспокойно и муторно, как будто я что-то упустила.

На улице дышалось вкусно – свежо и холодно. Мягкие замшевые сапожки промокли от росы, то и дело под ногами хрупал первый осенний ледок. Хорошо!

Мастер Ликас нагнал меня на втором круге и, снизив скорость, пристроился рядом, бок о бок.

Я бежала молча, экономя силы и дыхание. Сам скажет, что хотел.

– Мисси, поговорить бы... – Ликас зашел напрямую. Аларийцы вообще не любят словесные экивоки. Прямой путь – самый короткий путь, но если не хотят говорить, и слова не вытащишь, или напустят такого туману, что сам не рад будешь, что спросил. И – «мисси», не «госпожа», исключительно аларийский вариант обращения к юным незамужним леди, значит, тема важная.

Про проверку Нэнс знают наверняка уже все. Я до сих пор не понимаю, как работает этот их коллективный аларийский разум. Но то, что знает один алариец в поместье, всегда зна-

ют все.

– Наши волнуются. Не раз и не два были попытки убрать воспоминания.

Я резко затормозила и бросила острый взгляд на мастера.

– И у меня. – Ликас спокойно пожал широкими плечами. – Не самих, нас не трогают, вы же знаете. Другие. То разговора не помнят, то ленты потеряли, то куда-то ларь из-под муки делся. Вчера, в вечерней смене... Гая знаете? Так вот, он забыл, что племянницу Маги на свидание звал после склянок.

Да уж, если можно поверить в мелкие совпадения, то племяшка Маги имела настолько впечатляющие формы, глядя на которые исходило слюной все мужское население поместья младше ста, что забыть про свидание с такой красоткой...

– Как давно?

– Да почитай уже пару зим как. Разбираться начали, так и припомнили, самое раннее по весне было, когда старую запруду унесло. – «Как раз тогда, когда вам мастера-наставника Виртаса из столицы выписали», – невысказанные слова повисли в воздухе.

Ликас никогда не называл Виртаса наставником. Максимум – «мастер» и «сир», и то с определенным высокомерным превосходством, свойственным всем аларийцам.

– Мисси, вы же знаете, мы-то все помним, даже если забыть хотели. Матушки вашей, мистрис Релии, почитай, де-

сять зим как нет, а ровно вчера все было. — Ликас вздохнул.

На самом деле я давно подозревала, что он тайно и безответно был влюблен в маму. И потом эта любовь плавно и естественно перешла на меня. Без всяких моих заслуг. Иначе в чем причина такого особого ко мне отношения?

— Видел кто?

— Действуют всегда со спины, и мелькало там пятно темное, но не разобрать ничего. И дядя ваш несколько раз после разговора со Светлым вашим сам не свой был. Распоряжения забывал, райхарец застаивался...

А вот это уже серьезнее. Но дядя? С силой трибуна восьмого круга? У кого хватит власти повернуть такое? И как обошли клятву о служении роду? Как?

Единственные, кто не приносил клятвы именно Блау, это слуги тетушки и они сами. Если предположить, что гипотетически, только гипотетически, среди них есть кто-то с девятым уровнем, а чтобы насильственно вмешиваться в сознание трибуна восьмого, нужен трибун девятого, это предельный уровень... Да нет, это бред. Великий, вразуми!

Одно дело стирать воспоминания слугам. Слугам...

— Слуги из наших или...

— В основном из наших. Из пришлых пара всего.

Наши — значит, приносили клятву Блау. Что это значит? Значит, при попытке причинения вреда роду последует наказание.

А при чем тут воспоминания? Видели что-то лишнее? Не

помнишь, что видел что-то плохое, и не сообщил – значит, не видел. А раз не видел, не знаю, значит, что наказания не последует.

– Еще есть жалобы, странности, симптомы?.. – Я покрутила пальцами в воздухе.

– Есть, как не быть. Все на голову жалуются. Марта свои зелья, почитай, ведрами варить стала. Раньше брезговали нашим, а тут глядишь ты! – Ликас беззлобно усмехнулся.

Да уж... Марта гордо именовала себя знахаркой. Первой и единственной аларийской знахаркой на территории нашего предела. Проживала в деревне около поместья, что сразу на выезде из долины, варила вонючие лекарственные декокты, смешивала мази, лечила по мелочовке.

Как же ты мог пропустить такое, дядя?.. И пропустил ли? Мастер недовольно нахмурился. Он умудрялся говорить и делать растяжку перед основным базовым комплексом, а я остановилась и задумалась.

– В реальном бою тоже будет время подумать, госпожа? Кто-то даст госпоже Вайю передышку? Или все-таки начнете совмещать эти вещи? – Ликас говорил ядовито. Эти истины он вбивал в мою голову с малых лет. – Мы вызвали с границы Пинки.

Пинки, один из молодых аларийских парней возраста племянницы Маги, сейчас служил в южном гарнизоне на границе, охранял сигнальные вышки.

Пинки нюхачил.

Все аларийцы были магически нейтральны, то есть не имели никаких сил, ни Темных, ни Светлых. Были иммунны к большинству простых чар и проклятий – возможно, это было как раз отголоском их способности объединять разум, включая коллективное сознание. Нюхачество Пинки относилось к тем особым дарам, которые иногда получали представители их расы. Пинки чуял магию. Даже не так – он, как собака, мог взять любой магический след. Пинки говорил, что любая магия и сила имеют запах, каждый в отдельности, и в целом создается картина, похожая на большой пирог с определенной начинкой. Он чувствовал уровни сил и их направленность; иногда, в особо редких случаях, даже мог взять направленный след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.